

ЖИВОЕ СЛОВО

В этом году я решила совершить своего рода паломничество к реке своего детства. Два десятилетия я пересекала Шарынку по дамбе и мостикам, переходя пути по дороге в школу и библиотеку. Увиденное потрясло меня. Дамбы давно нет. Вместо нее, исчезнувшей в тине, мазуте и топкой грязи, настелены шаткие доски, местами тоже уже сгнившие и хлюпающие в жиже. Не осталось и намёка на бочаги, в которых мы когда-то шумно плескались: вся долина густо поросла камышом, и он тихо скрипел ржавыми листьями. Одинокий бомж, безвестный "санитар природы", делал своё посильное благое дело: вытаскивал из жижи пивную и водочную бутылку. Хмурые взоры на это безобразии старые дома-развалюхи. Мне невольно подумалось, что, если годами видеть такое зрелище из окна, то можно ведь и умом повредиться. За что такая "честь" жителям этих домов? Или мало они родных проводили на великие и малые войны? Или плохо работали на железной дороге - основной транспортной магистрали страны? Не достаточно голодали десятилетиями?

В моей памяти свежо воспоминание: дядя Коля Осокин, брат бабушки Акулины Фаддеевны, несет меня на вытянутых руках вблизи этих самых домов, чуть правее. Я лежу на спине, надо мной голубая сфера летнего неба без единого облачка. Он что-то рассказывает, я покачиваюсь в такт его шагам, и купол неба движется вместе с нами. Мы идём коротким путём в конец Коммунальной улицы, пересекая заросший незабудками и куриной слепотой луг перед нефтебазой. Земля здесь мягкая, влажная. Густой ковер трав и цветов дурманит своим свежим ароматом. Дядя Коля несёт меня в гости к своему единственному сыну Борису, слепому от рождения. Там же нас ждёт "мама Таня", крестная моей матери, с пирогами и несравненным чаем из самовара. Лица со временем выветрились из памяти, но остался волшебный солнечный день, краски и запахи лета, небо, увиденное как будто впервые...

Осмелюсь предположить, что трёхлетний малыш вполне способен остро и явственно ощутить величие божественной красоты. Только обоснование этому дает позже.

Мама рассказывала мне, что в детстве, живя на хуторе, они с сестрой любили встречать перелетных птиц, которые здесь, вблизи старицы в лесу под Головином, делали остановку - длительный привал на пути. Пёрнатые странники ничуть не боялись маленьких детей, которые сидели на корточках совсем рядом с ними, часами наблюдая за тем, как кормятся доверчивые птицы, и слушали их голоса. Эти эпические картины не были редкостью в те времена, когда люди чувствовали своё единство с природой. Отсюда и бережное к ней отношение: из реки не вылавливалась вся рыба, какой бы неурожайный ни был год; не вырубался кормилец-лес "под гребенку", не истреблялся зверь целиком. И земля отвечала взаимностью: кормила, одевала, укрывала.

Вторая серия фильма "Крестный

отец", в который уже раз с успехом показанного по ТВ, заканчивается убийством Фредо Корлеоне во время рыбалки на озере под Лас-Вегасом. Телезрителю, захваченному сюжетом картины, и не придет в голову спросить себя: "Что же это за озеро в центре невадской пустыни?" А дело в том, что озеро Мид (именно там по сюжету Майкл Корлеоне вершит свой суд над братом-предателем Фредо) - не природное образование, а рукотворное. Оно вызвано к жизни не только потребностью, но и жертвенными усилиями конкретного человека. Инженер Мид, исследовав это малопривлекательное для жизни людей место, нашел в горах ручеек, рассчитав место запруды, построил плотину, и среди марсианского пейзажа без растительности, на фоне оранжевых гор и красного песка возник голубой водоем.

В озере, получившем имя его создателя, развели карпов. Вскоре они так расплодились, что сейчас, стоит только опустить в воду палец, к нему тут же присасывается, требуя корма, пустынный карп. За рыбалку надо заплатить, но никто из моих соотечественников, насколько я успела заметить, не "разорялся", а просто проезжал себе вдоль озера 3-4 километра и в укромном месте без полицейских взоров ловил наивных толстых рыб. В придорожном магазинчике можно купить любую удочку, спиннинг, леску, крючок, насадку - червей, мормышку, малинку, хотя карп клюёт даже на хлебный мякиш. Все это блаженство - на камнях, гальке, сухом песке. И конечно, шикарное купание в чистой пресной воде под голубым прозрачным небом. Я привезла плоский высохший труп небольшой ящерицы, заснувшей на камне и ставшей экспонатом домашнего музея: +50 градусов - не шутка, тут и автомобиль без кондиционера превращается в печь крематория. На берегу озера Мид стоит величавый памятник всем рабочим-строителям, которые умерли от жары за время масштабных работ.

К чему вдруг вспомнилось? Вода в этих условиях становится величайшей ценностью, чудом природы, даром Всевышнего. В православной церкви Лас-Вегаса после службы прихожане - эфиопы, греки, румыны, сербы, армяне, украинцы и русские - садятся за общую трапезу (ими же оплаченную), и первым делом им подают бокал безукоризненно чистой холодной воды.

Саженец дерева очень дорог - 100 долларов. Но, купив дом, владелец обязан посадить несколько деревьев и их поливать, а следовательно, платить за воду. Лас-Вегас - очень зеленый город с миллионным населением, где к каждому дереву (!) подведена оросительная система. Такое отношение к воде в пустыне - норма. Именно там можно оценить поистине титанический труд простых людей, которые освоили эти места в те времена, когда ни холодильников, ни кондиционеров не было и в помине. Досужий ум скажет: "Там деньги. И больше. У нас денег нет". Ответу: а что, Шарью когда-нибудь украшали с помощью "зелёных насаждений" даже в том объёме, в каком и наших скромных средств вполне хватило бы? Лишь в пятидесятые годы Груздев, тогдашний председатель горисполкома, обсадил маленькими деревцами главную в городе Октябрьскую улицу. Сейчас деревца возмужали и действительно украшают центр Шарьи. Но этим всё культурное озеленение и закончилось.

Мы, живя в краю лесов, относимся к воде бездушно, расточительно и наплевательски. неброская на первый взгляд, но плени-

тельная красота наших мест уникальна тем, что мы получили ее даром и в готовом виде. Калмово - настоящая жемчужина лесного царства вблизи Шарьи. В детстве я ходила туда пешком с дедом. Там был наш сенокос, как тогда говорили - "покос".

Ночевать оставались на несколько дней. Спали в пологе. Утром дед накашивал ряды травы, и они подсыхали под солнцем. А часам к одиннадцати нужно было все валы перевернуть. Постепенно высушенное сено собиралось в копны - на случай дождя, который не должен был уничтожить плоды наших трудов. Венцом всех работ был стог, на который ставили меня, я уминала пахучие копны, утрамбовывала, "вершила", а потом меня снимали с высокого стога: дед держал перпендикулярно грабли, я наступала одной ногой на черенок и прыгала на землю. Еда готовилась на костре: вареная похлебка из картошки с луком и крупой, печеный в золе картофель, молоко. Никаких разносолов. Старшие члены семьи участвовали в сенокосе лишь в воскресенье или вечером. Весь процесс был известен до мелочей. Наградой за труд были утренние и вечерние пейзажи - роскошные картины бытия. В утреннем хрустальном воздухе далеко были слышны голоса соседей: задорная молодость не могла сдерживать энергии. Дед же мой шума не любил - только ухмылка уголком рта и смеющиеся глаза. Он и учить не любил: смотри - наука невелика, все дело в привычке. Высшей степенью его удовлетворения от сделанного было всегда неожиданная рыбалка. Если дед удалялся на Ветлугу, оставив меня на взрослых, уха из стерляди была верхом общего блаженства. Это означало конец делу.

Неужели участь Шарынки разделит и Калмово?

Мы - лесные люди, наша генетическая память до языческих времен наполнена образами волхвов, берендеев, долбленых лодок, зверья, туесов, пестерей и лаптей. Весь этот почти фетишизируемый реликт в избытке находится в моем доме, я притрагиваюсь к предмету, снимая накопившееся после службы и изнурительной дороги статическое электричество: это - родное, оно придаст силу и залечит раны. Лапти вот только подарил студенту, уезжавшему в далекие края. Он сказал: "Понял смысл подарка: это символ старой России - подлинной, какой мы ее любим и будем помнить". Жаль, что сейчас на шарыинском рынке уже нельзя купить лаптей. Ушли старики, которые умели обработать лыко и сплести эту славную обувь.

В позорные 90-е годы, когда после лукавых чубайсовско-гайдаровских грабительских комбинаций в одночасье рухнула культура, посажающая правителям "надстройка", педагоги, библиотекари, врачи, музейные работники, искусствоведы и музыканты вмиг превратились в нищих. Моя старшая дочь Юлия месяцами сидела тогда без жалованья и гонораров. Независимая позиция всегда требует от художника мужества. Тогда в поисках приемлемых условий существования тысячами уезжали из страны специалисты. Это уплывали за границу миллиардные средства - как затраченные государством на образование этих людей, так и не полученные всеми нами в качестве эффекта от их деятельности.

Пропорционально росту издеватель-

ства над интеллектуалами множились презентации срамных фильмов, в которые спешно вкладывали деньги те, кого сейчас именуют "распальцованными". Они отмывали несправедно нажитые средства и устраивали пышные приемы, после окончания которых сердобольные официантки милостиво предлагали голодным кинокритикам забрать остатки пиршеств с собой, понимая, как трудно живут журналисты в этом беспределе. Верхи предали свой народ, а простые люди бросали утопающим соломинку.

Тогда и появились Юлины стихи - как мольба, обращенная к родной стихии:

**Целебные травы – природы завет:
Терновник, шиповник, черемухи цвет.
Секретная сила лекарственных трав,
Неведомых миру начальственных прав.**

**Пусть высохнет море, и вырубят лес,
Падет Вавилон, не достигнув небес,
В тенетах и джунглях дурман-белены
Истлеют знамена горластой шпаны.**

**Но, мудрые души, останетесь вы!
Сухие и тонкие листья травы
Вам силу дадут и избавят от бед:
Ромашка и роза, шалфей, бересклет,
Хвоща, зверобоя, полыни букет,
Жасмина и мяты душистый куплет
И липовый цвет.**

"Милый город!.." - шептала моя мама, покидая его в свой последний приезд, и крестила из окна вагона уплывающие шарыинские здания и привокзальные постройки. Сама она родилась не в Шарье, но остро чувствовала, что в этом маленьком, гармоничном городке с его огромными, никогда не подрезаемыми тополями всё же не нарушена так непоправимо, как в мегаполисе, гармония человека и природы. И, подобно тому, как старая мать для её детей - это не дряхлая старуха, а та красивая молодая и сильная женщина, которую они запомнили с первых дней, так и Шарья, город юности и средних лет, для моей матери всегда была чем-то более существенным, чем немощёные улицы и мутная Шарыинка.

Мама пережила почти всех, кто знал её в молодости. Но почему-то вид домов и улиц милого города не вызывал у неё каких-то невыносимо тяжёлых воспоминаний. В Шарье для неё всё было живое. И все были живы, их просто не было видно. Она по-своему как будто верила, подобно древним римлянам, что каждый град и весь охраняет свой genius loci - гений места. И в Шарье этот гений - ласковый, домашний, способный понять человека. И - до определённого предела - простить.

Через два с половиной месяца мамы не стало. И тогда мне подумалось, что она как будто попросила меня написать эти строки. Не краеведческий очерк. Просто признание в любви.

